

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/61/26

Е.А. Крестьянников, С.В. Туров

**РЕЦЕНЗИЯ: ТЯПКИН М.О. РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ПО ОХРАНЕ ЛЕСОВ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД : МОНОГРАФИЯ. БАРНАУЛ :
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ, 2016. 187 с.**

Выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-59-22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI вв.: социально-экологические аспекты».

В рецензии дается оценка монографии алтайского историка М.О. Тяпкина о формировании лесоохранной политики Российской империи. В целом приветствуя вклад автора в разработку проблем экологической истории, рецензенты указали на ряд упущений, учет которых по их мнению, будет способствовать изучению истории лесного дела в России.

Ключевые слова: охрана леса; государственная политика; экология.

Неуклонно увеличивая свое присутствие на планете, человек – разумное и наиболее организованное биологическое существо – решает самые разнообразные задачи, выполнение которых в любом случае приводит к умножению сферы культуры и уменьшению пределов природного мира. Люди неотвратимо наращивают темпы приближения к собственному уничтожению, и исследователь, взявшийся изучать историю природоохранных мер, напоминает собой врача, дающего смертельно больному шанс, пусть мизерный, на выживание. Начальное предложение рассматриваемой монографии, подчеркивающее актуальность исследования и сформулированное как диагноз, позволяет подумать, что Михаил Олегович Тяпкин и есть тот реаниматолог, труд которого послужит спасительным для человечества образом: «Возрастающие объемы воздействия человека на окружающую среду сегодня принимают угрожающие размеры» (С. 3).

Выбранная тема и претензии на ее экологическую составляющую способны вызвать бурный читательский интерес. Сейчас доказывается, как, например, это делает основоположник социальной экологии Мюррей Букчин, что почти все современные проблемы в отношениях человека и природы происходят из укоренившихся социальных противоречий и не могут быть поняты и разрешены без осмысления развития таких конфликтов [1. Р. 19]. Вместе с тем происходит разворот в сторону гуманизации экологической истории, отраженный, скажем, в известной на Западе коллективной монографии 2009 г. «Конец природы. История и окружающая среда». В предисловии к книге провозглашена важность переориентации экологической истории на изучение человека и ставится цель «создать экологическую историю, которая интересуется окружающей средой, беспокоится о том, чтобы все формы знания, включая науку, занимали в истории видное место, и заботится о самой истории, которая, прежде всего, должна заниматься условиями жизни людей» [2. Р. VII].

Наверное, читатель обманется, ведь руководство видением истории экологических вопросов,

свойственным для иностранных ученых, и пойти заданным в первой строке своей монографии курсом автор не стремится, да и следовать такому направлению весьма затруднительно – законодательство Российской империи не озадачивалось сохранением экосистем и природных объектов; царский законодатель в принципе мало задумывался над удовлетворением потребностей подданных. Защищая окружающий мир, самодержавие охраняло, прежде всего, отношения собственности, что известно любому студенту из современных учебников [3. С. 24–25]. О чем же на самом деле намерен рассказать М.О. Тяпкин в своей книге, из введения не узнать: после рассуждений о важности леса и его охранения, он знакомит с чужими теоретическими изысканиями в области «концептуальных подходов» к пониманию «функций государства» (С. 4–8), делая для историка дальнейшее чтение менее занимательным, но более интригующим.

Тем не менее, как заявлено в аннотации, монография адресована «специалистам, занимающимся изучением отечественной истории дореволюционного периода». Принцип структурирования предельно прост: первая глава посвящена развитию системы управления лесным хозяйством империи (С. 9–139); вторая – призвана осветить меры правоохранительного характера по преследованию нарушителей законодательства об охране лесного фонда (С. 140–182). Уже сама структура исследования вызывает вопросы. Почему последний из трех параграфов первой главы труда, написанного о всей России, изучает «особенности региональных лесоохранных систем» лишь «на примере юга Западной Сибири», подразумевая алтайские просторы Томской губернии? Почему рубеж между двумя параграфами второй главы обусловлен судебной реформой 1864 года? Ни в первом, ни во втором случае логика не объясняется. Несомненно, она продиктована какими-то утилитарными соображениями. Но невозможно отразить общие тенденции, отталкиваясь от образчика нетипичной для гетерогенной страны части (даже не гу-

бернии или области) весьма специфического региона (Сибири); нельзя в положениях Судебных уставов Александра II найти того, что бы внесло существенный перелом в преследование или наказание злоумышленников, нарушивших изучаемые правила.

Вероятно, автор слишком полагался на содержание источников, которые и определяли его исследовательские приоритеты, не попытавшись самостоятельно выделить, сформулировать и осмыслить те проблемные узлы, которые бы действительно внесли вклад в науку. Источниковая же база исследования небогата, и, очевидно, погружение в нее не потребовало значительных усилий. Законодательные акты, скудно дополненные периодической печатью и делопроизводственной документацией, извлеченной из нескольких архивов, а также некоторыми справочниками, с использованием небольшого количества исследований предшественников – весьма слабая основа для научных прорывов в области изучения двухвекового развития крайне важных вопросов истории страны.

В аннотации заявляется (во введении отсутствует попытка формулировки цели и задач), что «основное внимание уделено анализу законотворческой деятельности государства в указанной сфере, деятельности уполномоченных органов и учреждений по охране лесов от самовольных порубок и пожаров». Законотворчество на имперском уровне в сфере лесоохраны М.О. Тяпкин действительно анализирует подробно, правда, в качестве информационного сырья используя лишь работы предшественников и законодательство, опубликованное по преимуществу в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Если для XIX – начала XX в. такой источниковедческий метод (применение только опубликованных актов) может быть оправдан, то для XVIII в. – никак [4. С. 24–25]. Впрочем, историк знает об этом, поскольку повторяет в своем исследовании (С. 11) подсчеты Э.Г. Истоминой. Согласно им, лишь «первый русский император издал около 200 указов, которые так или иначе регламентировали вопросы функционирования лесной отрасли». Еще 140 подобных указов, принятых между 1725 и 1801 гг., насчитал А.В. Дулов [5. С. 12]. Излишне говорить, что далеко не все из этих законов попали в ПСЗРИ, однако автора это обстоятельство не смущает. Ему удалось также обойтись без обращения к архивным фондам «уполномоченных органов и учреждений», да и вообще без каких-либо архивных фондов – одна ссылка на два листа из дела, хранящегося в РГАВМФ (С. 34), при анализе эффективности деятельности управленческих структур в деле охраны лесов от самовольных порубок и пожаров. Неудивительно поэтому, что и здесь он зачастую вынужден соглашаться с мнением более ранних исследователей.

Вместе с тем институциональная история становления и дальнейшей эволюции государственного управления лесами Михаилом Олеговичем прослежена подробно и со знанием дела. Особенно выигрышно смотрится в этом отношении часть работы, посвященная

тем самым «особенностям региональных лесоохранных систем в XVIII – начале XX в. (на примере юга Западной Сибири)». Для данной реконструкции автор привлекает архивные материалы Главного управления Западной Сибири и других структур, имевших отношение к лесоохране в регионе в XIX – начале XX в. Того же нельзя сказать о XVIII в. Пренебрежение возможностями неопубликованных источников, а зачастую и работами предшественников, не позволило историку создать более-менее целостную картину законодательных и организационных усилий государства в деле охраны лесов рассматриваемого региона. Так, началом горнозаводского лесоохранного законодательства он считает указ Сената от 2 июня 1725 г., которым была отвергнута инициатива главы горнозаводской администрации Уральских заводов генерал-майора Георга де Генина о назначении форштмейстера «для охранения при тамошних заводах лесов» (С. 99–100). Однако первым законодательным актом, регулирующим горнозаводское лесопользование, скорее всего, стал манифест 1719 г., изданный по поводу учреждения на Урале медеплавильных заводов: тут определялись размеры «лесных дач» этих предприятий. Манифестом воспрещалось, до особого указа, строить на Урале новые железоделательные заводы «для медных руд, чтобы в дровах оскудения не было» [6. С. 211]. Что касается Алтайского (Колывано-Воскресенского) горнозаводского округа, то никакого «регулирования лесоохранных систем» М.О. Тяпкин не замечает вплоть до 1786 г., т.е. до введения здесь в действие проекта Лесного устава. Между тем первым законодательным актом, регулирующим промышленное лесопользование в районе действия алтайского промышленного комплекса, являлся указ от 12 марта 1747 г., запрещающий строительство любых частных предприятий на территории горного округа. Как отмечает Т.И. Агапова, по видимому, были случаи нарушения указа, так как в 1761 г. его пришлось продублировать [7. С. 210]. Таким образом, не только законодательство, но и основы рационального лесопользования в Алтайском горном округе формировались задолго до введения проекта Лесного устава. Неудачное расположение Колывановских заводов вдали от крупных лесных массивов и умеренные рубки привели к погашению в 1766 г. заводских плавильных печей. Более таких ошибок администрация горного округа себе не позволяла. Так, первоначально предполагалось, что основанный в 1763 г. Новолоктевский завод возьмет на себя часть плавильного производства Барнаульских заводов, но от этого замысла отказались, так как расчеты показали отсутствие достаточных запасов леса [8. С. 155–156].

На примере Новолоктевского завода видно, что выработывалась новая система промышленного лесопользования, скорее всего, без какого-либо участия центральных лесоохранных структур. Законодатель просто не усматривал необходимости в охране сибирских лесов. Древесину было невозможно экспортировать или

употребить на нужды Адмиралтейства, редкость населения и «неисчерпаемость» лесных богатств также являлись поводом оставить леса Сибири без надлежащего государственного попечения. Автор хорошо описывает данное положение дел (С. 99–101), однако не догадывается, что за ситуацией пристально следила местная администрация. Более того, складывается, выражаясь терминологией Михаила Олеговича, «региональная лесоохранная система». Удручающее состояние лесов в сельскохозяйственной полосе региона время от времени подвигало сибирские власти на самостоятельную регламентацию лесопользования. Самый ранний такой опыт из известных авторам рецензии относится к 1755 г., когда Тобольская губернская канцелярия озабочена сохранением кедровых лесов: «Чтобы в хорошее и всякое строение лесу, особливо матерого кедровника напрасно и тщетно для малых своих бездельных корыстей, кроме сущее законных надобностей и нужд, отнюдь не опустошали и не рубили, а потребные с тех кедров орешки и шишки обирали, а не подрубали бы не только всего дерева, но и сучья берегли» [9. С. 64].

Кроме неосторожного обращения с огнем непосредственно в лесу, сибирским лесам угрожали так называемые палы. Они предназначались, прежде всего, для выжигания прошлогодней травы на покосах. Ежегодно «палы» приводили к катастрофическим последствиям [10]. В наиболее отчетливой форме подтверждение этому находим в материалах ревизии генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова середины XIX в.: «Во всей Западной Сибири существует между крестьян обычай опаливать леса; обычай этот, основанный на мысли, будто бы травы лучше от этого произрастают, бывал нередко причиною истребления десятков тысяч десятин лесу». Главное управление Западной Сибири, опираясь на выводы ревизии, предложило вовсе запретить палы. Однако по представлению Совета Министерства государственных имуществ, справедливо посчитавшего такое решение вопроса неосуществимым, император утвердил 20 февраля 1853 г. лишь ограничения для спуска палов [11. С. 109–112].

Задумывая вторую главу, М.О. Тяпкин, вероятно, проникся мыслью, что «историю лесных установлений можно писать как историю их нарушений» [12. С. 187]. В ней также заметен недостаток фактологии, особенно в той части, где речь идет о непосредственном применении законодательных санкций по отношению к нарушителям лесоохранного законодательства. Так, для XVIII в. у автора нашлся только один подобный пример и тот общеизвестен. Речь о вырубках в заповедных «при Санкт-Петербурге рощах» в 1720 г. Виновников, с попустительства которых были допущены эти правонарушения, сослали на галеры (С. 150). По уже сложившейся традиции эту жутковатую историю Михаил Олегович извлек из ПСЗРИ. Между тем даже местные сибирские материалы дают примеры подобного рода. Так, в 1773 г. тобольский губернатор Д.И. Чичерин издал гневное распоряжение в отношении кре-

стьянина А. Филатова и деньщика М. Бабайкова. Первого предлагалось высечь плетью, а второго батожьем за порубки в рощах, которые были «для пользы и удовольствия всего гражданства и для гуляния подчищены с немалым трудом близ самого города» [13. С. 5].

Следует констатировать, что лесоохранная правоприменительная практика по части санкций в сравнении с петровским временем тогда значительно смягчилась. Еще одним подтверждением данного заключения может служить дело, возбужденное Тюменской воеводской канцелярией в 1764 г. по факту лесного пожара в связи с неосторожным обращением с огнем близ д. Богандинской. Причем данный лесной пожар заинтересовал администрацию, по-видимому, только потому, что сгорел заготовленный здесь строевой казенный лес. Виновником пожара был признан разночинец д. Головиной Богандинской волости Пышминского стана Малентьев. По отношению к Малентьеву был применен указ Елизаветы Петровны от 30 июля 1747 г., гласивший буквально следующее: «...чтобы губернатор и воеводы смотрели накрепко, дабы проезжающие дорогами разных чинов люди в раскладывании огня осторожно поступали и для варения пищи огня имели от мостов и от лесов во отдалении, и тот огонь при отъезде станов конечно б заливали, и для того смотрения иметь непременно разезды, и где по приезде проезжающих с станов, явится огонь не залит, повелеть оный заливать в самой скорости, дабы от того в лесах пожаров не было, а буде где в лесах учинится пожар, оный велеть тушить в самой скорости. Ежели кто из проезжающих, чьи люди и крестьяне при отъезде, огня не залив, съедут и в том подлинно изоблечены будут, за то таких людей из крестьян сечь бодожьем на страх других». Малентьева, между прочим, «за дряхлостью» от порки освободили, но высекли десятского за то, что своевременно не организовал тушение пожара и для этого потребовалось вмешательство воеводской канцелярии. Кроме того, с крестьянского общества взыскали 1 руб. 17 коп. – стоимость сгоревшего казенного леса [14. С. 37–38].

В XIX столетии в связи с промышленным переворотом интенсивность антропогенного воздействия на природу чрезвычайно усилилась, а значение борьбы с деятельностью лиц, наносивших ущерб лесным угодьям, значительно возросло. Во втором параграфе главы («Преследование нарушений Лесного устава в судебном и административном порядке во второй половине XIX – начале XX в.») Михаил Олегович наверно по инерции продолжил делать ставку на ПСЗРИ и работы дореволюционных исследователей, сослался несколько раз на пару журналов «лесной» направленности и документы одного архива. Между тем речь идет об изобильном на разнообразные исторические источники периоде, когда, скажем, скрупулезно собирались статистические данные, а периодическая печать – кладезь богатейшего материала эпохи любой тематики – получила широкое развитие даже в самых удаленных от центра уголках империи. Внимательное и ревностное отно-

шение к источникам помогло бы серьезно расширить исследовательскую проблематику и ответить на ключевые вопросы, которые, к сожалению, не нашли отражения. Так, не замечено определения размеров урона от нарушений лесных правил, значит, невозможно дать оценку накалу той борьбы, которая развернулась против вредителей лесному фонду, вообще, непонятно, насколько злоумышленники в изучаемой сфере обременяли органы государственной власти, а эффективность деятельности последних оценивается лишь вскользь.

К примеру, по сведениям годовых отчетов лесного ведомства, в одних лишь казенных лесах Европейской России в 1894–1900 гг. совершалось порубок и похищений леса на сумму от 181 470 до 406 044 руб. ежегодно [15. С. 235]. Когда столыпинская аграрная реформа подвигла на переселение миллионные массы, ситуация становилась близкой к катастрофической в регионе, который более остальных интересует М.О. Тяпкина. В алтайских уездах число нерешенных дел мировой подсудности по нарушению Лесного устава резко увеличивалось: к 1 января 1907 г. их было 14 779 на сумму исков в 190 379 руб., а к 1 января 1910 г. уже 41 286 и 393 800 руб. соответственно. Начальник Алтайского округа В.П. Михайлов 12 ноября 1910 г. в ходатайстве на имя управляющего Кабинетом его императорского величества констатировал, что мировые судьи «физически не могли одолеть ту массу дел», которые поступали к ним по статьям о нарушении Лесного устава, они были «задавлены и завалены работой» [16. Л. 1 об., 2 об.]. Депутат Государственной думы от Тобольской губернии и губернский агроном Н.Л. Скалозубов в 1908 г. рассказывал о самовольных порубках как настоящем стихийном бедствии, неподконтрольном региональным властям. Он указывал, что у тобольского мирового судьи только за полгода возникало 230 таких

дел, а горожане и крестьяне оказались «озлоблены против этого порядка» (говорится об активизации борьбы с порубщиками), «чуть ли не разнесли камеру мирового судьи» [17. С. 6].

Также в работе чувствуется дефицит контекста и компаративистики, детализации и антропологии. В связи с этим исследование представляется слишком описательным, не проблемным и набросанным широкими штрихами, изложение недостаточно встраивается в общеисторические процессы и крупными блоками существует само по себе. Некоторые сюжеты лишены всякого смысла. Наверное, только в видах удовлетворения любопытства неразборчивого читателя в тексте без пояснений зачем-то приводится подробный с помесечной разбивкой календарь работы лесников в течение года (С. 68–70). Имеющийся же контекст иногда грешит неясностью. Например, в разделе, посвященном явлениям общероссийского масштаба, говорится о совмещении следовательских, судебных и нотариальных функций в руках мировых судей (С. 176). Интересно, знает ли Михаил Олегович, что рассказывает об уникальном сибирском порядке судостроительства, действовавшем с 1897 г. (схож лишь с организацией юстиции примерно того же времени в Архангельской и Черноморской губерниях, Центральной Азии и Закаспийской области), который, кстати говоря, из-за своей чрезмерной подвижности серьезно препятствовал судьям осуществлять правосудие, в том числе по «лесным» делам [18, 19]?

Впрочем, уже сама тема монографии носит новаторский характер, а при производстве нового продукта трудно избежать ошибок и несовершенств. Авторы рецензии надеются, что обозначили некоторые ориентиры для последующих научных изысканий М.О. Тяпкина, в том числе в области постижения вопросов экологической истории, заявленных ученым, но получивших мало ответов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bookchin M. Social Ecology and Communalism. Oakland; Edinburgh : AK Press, 2006.
2. Nature's End. History and the Environment / eds. Sverker Sorlin and Paul Warde. London : Palgrave Macmillan, 2009.
3. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А. Экологическое право России : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2012.
4. Грицкевич В.П., Кун С.Б., Ходин С.Н. Теория и история источниковедения : учеб. пособие для студ. заоч. отд. гуманитар. фак-в вузов. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2000.
5. Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX вв.). М. : Наука, 1983.
6. Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М. : Госполитиздат, 1947.
7. Агапова Т.И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск : СО АН СССР, 1962. Вып. 1. С. 207–229.
8. Туров С.В. Взаимодействие горнозаводских комплексов Урала и Алтая с геосредой в XVIII в. // Проблемы географии и экологии Западной Сибири. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 155–161.
9. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия). С приложением списка населенных мест Колыванской области за 1782 г. Томск : Типо-литография М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898.
10. Туров С.В. Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1994. С. 81–92.
11. Туров С.В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.): очерки этнической экологии. Екатеринбург : Баско, 2007.
12. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
13. О распоряжах Чичерина в Тобольске: сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского статистического комитета Е.В. Кузнецова. Тобольск : Губернская типография, 1891.
14. Туров С.В. Правительственная регламентация агропромышленного лесопользования в Западной Сибири (XVIII – начало XIX вв.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 35–42.
15. Лукашевич А. К вопросу о пересмотре законодательства о лесных порубках // Юрист. 1905. № 7. С. 235–237.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 24. Д. 1507.
17. Скалозубов Н.Л. Впечатления и заметки (из поездки в Тобольскую губернию в 1908 г.) // Сибирские вопросы. 1909. № 24. С. 3–11.
18. Krest'iannikov E.A. Realizatsiia Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde russe. Vol. 58. 2017, № 4. P. 555–588.

19. Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20, № 2. P. 315–344.

Evgeniy A. Krestyannikov. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: krest_e_a@mail.ru

Sergei V. Turov. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: svtur57@mail.ru

REVIEW: TIAPKIN M.O. FOREST CONTROL AND PROTECTION BY THE STATE DURING THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: MONOGRAPH. BARNAUL: BARNAUL'SKII IURIDICHESKII INSTITUT MVD ROSSII, 2016. 187 P.

Keywords: Environmental history; legislation; forest protection; M.O. Tiapkin.

The environmental and historical approach to the study of various historical events and phenomena is becoming increasingly recognized and popular throughout the world, gaining adherents among Russian historians. The book by M.O. Tiapkin meaning application of the specified approach is exposed to the critical analysis in this review. The monograph is devoted to the state policy of the government of the Russian Empire on the protection of forests, embodied in the domestic legal system. However, the imperial legislation is not puzzling aspirations to preserve natural sites, and protecting the world around us, care primarily about a property. Reviewers believe that already therefore the author was in a difficult situation, and, eventually, could not connect consistently in a uniform research perspective of ecological history and development of imperial laws. Probably, the content of the factual material determined the research priorities of M.O. Tiapkin, and he did not try to independently isolate, formulate and comprehend those problems that would really contribute to science. Meanwhile, the circle of sources known to the author is not rich and is not the strong basis for commission of scientific breaks. The legislative instruments, poorly supplemented with periodicals and records obtained from several archives, as well as some reference books and small amount of research of predecessors used. Actually, legislation was studied to a greater extent on the basis of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, without searching for relevant acts in the archives, which also does not allow for a high assessment of the source base of the work under review. At the same time, there is a lack of context and comparative studies, detailing and anthropology in the work, some plots seem meaningless, and on some issues the reader is misleading. It can be assumed that part of the flaws of the monograph is caused by its innovative nature, but at the same time it is not without pluses. These include the reconstruction of regional forest protection systems in the 19 – early 20 centuries. on the example of the south of Western Siberia. The content of the book examines an important topic for science, the reviewers are trying to draw attention to the development prospects of which. In particular, it seems useful to examine in greater detail the increase in the intensity of anthropogenic impact on nature associated with the industrial revolution, which incredibly increased the importance of combating the activities of persons who caused damage to forest land, leading to serious advances in forest protection legislation and the system of sanctions for its violations.

REFERENCES

1. Bookchin, M. (2006) *Social Ecology and Communalism*. Oakland; Edinburgh: AK Press.
2. Sorlin, S. & Warde, P. (2009) *Nature's End. History and the Environment*. London: Palgrave Macmillan.
3. Anisimov, A.P., Ryzhenkov, A.Ya. & Charkin, S.A. (2012) *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Russian Environmental Law]. Moscow: Yurayt.
4. Gritskevich, V.P., Kun, S.B. & Khodin, S.N. (2000) *Teoriya i istoriya istochnikovedeniya* [Theory and History of Source Studies]. Minsk: Belarusian State University.
5. Dulov, A.V. (1983) *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX vv.)* [Geographical environment and history of Russia (the late 15th – mid 19th centuries)]. Moscow: Nauka.
6. Lyubimov, P.G. (1947) *Ocherki po istorii russkoy promyshlennosti* [Essays on the history of Russian industry]. Moscow: Gospolitizdat.
7. Agapova, T.I. (1962) Vozniknovenie i razvitie kabinetskogo khozyaystva na Altaye v XVIII v. [The emergence and development of cabinet economy in Altai in the 18th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Sibir' perioda feodalizma* [Feudal Siberia]. Issue 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 207–229.
8. Turov, S.V. (1998) Vzaimodeystvie gornozavodskikh kompleksov Urala i Altaya s geosredoy v XVIII v. [Interaction of mining complexes of the Urals and Altai with the geological environment in the 18th century]. In: *Problemy geografii i ekologii Zapadnoy Sibiri* [Problems of geography and ecology of Western Siberia]. Issue 3. Tyumen: Tyumen State University. pp. 155–161.
9. Belikov, D.N. (1898) *Pervye russkie krest'yane-nasel'niki Tomskogo kraya i raznye osobennosti v usloviyakh ikh zhizni i byta (obshchiy ocherk za XVII i XVIII stoletiya). S prilozheniem spiska naselennykh mest Kolyvanskoj oblasti za 1782 g.* [The first Russian peasants in the Tomsk Territory and various features in the conditions of their life (a general outline for the 17th and 18th centuries). With the list of settlements of Kolyvan region for 1782]. Tomsk: Tipo-litografiya M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo.
10. Turov, S.V. (1994) Primenenie ognya v khozyaystvennom bytu russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVII – pervoy polovine XIX v. [The use of fire in the economic life of Russian peasants in Western Siberia in the 17th – first half of the 19th century]. In: *Dukhovnaya kul'tura Sibiri (problemy mezhnatsional'nykh svyazey, filosofii, filologii i istorii)* [The spiritual culture of Siberia (problems of interethnic relations, philosophy, philology and history)]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 81–92.
11. Turov, S.V. (2007) *Prirodopol'zovanie russkikh starozhilov Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.): ocherki etnicheskoy ekologii* [Nature management of Russian old-timers in Western Siberia (the 18th – first half of the 19th century): Essays on ethnic ecology]. Ekaterinburg: Basko.
12. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and power. World Environment History]. Translated from German. Moscow: HSE.
13. Tobolsk Provincial Statistical Committee. (1891) *O rasporyadkakh Chicherina v Tobol'ske: sorok arkhivnykh dokumentov s predisloviem deystvitel'nogo chlena Tobol'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta E.V. Kuznetsova* [About Chicherin's routines in Tobolsk: forty archival documents with a preface by the full member of the Tobolsk provincial statistical committee E.V. Kuznetsova]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
14. Turov, S.V. (1999) Pravitel'stvennaya reglamentatsiya agropromyslovogo lesopol'zovaniya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – nachalo XIX vv.) [Government regulation of agricultural forest management in Western Siberia (the 18th – early 19th centuries)]. In: Sokova, Z.N. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Issue 3. Tyumen: Tyumen State University. pp. 35–42.
15. Lukashevich, A. (1905) K voprosu o peresmotre zakonodatel'stva o lesnykh porubkakh [On the revision of legislation on forest felling]. *Yurist*. 7. pp. 235–237.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 24. File 1507.
17. Skalozubov, N.L. (1909) Vпечатleniya i zametki (iz poezdki v Tobol'skuyu guberniyu v 1908 g.) [Impressions and notes (from a trip to the Tobolsk province in 1908)]. *Sibirskie voprosy*. 24. pp. 3–11.
18. Krestiannikov, E.A. (2017) Realizatsiya Idei Sud'i-Sledovatel'ia v Mirovoi Iustitsii Dorevoliutsionnoi Sibiri [The idea of judge-investigator in the lay justice in the pre-revolutionary Siberia]. *Cahiers du Monde russe*. 58(4). pp. 555–588.
19. Krestiannikov, E.A. (2019) Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 20(2). pp. 315–344. DOI: 10.1353/kri.2019.0022.